

В эту самую минуту Тан Цзю как никогда горячо благодарил своего достопочтенного батюшку, господина Тан Хунье.

Окажись он слабее духом, его бы мигом раскусили. К счастью, за долгие годы Тан Цзю отточил до совершенства один бесценный навык — умение нести вдохновенную чушь с абсолютно невозмутимым лицом, пока внутри всё так и сжимается от страха. Своей непробиваемой стойкостью он был целиком обязан отцу. Сколько раз, напортачив, ему приходилось плести небылицы! «Да честно я сдал этот английский! (подумаешь, застрял на самой грани проходного балла)», «Антикварная ваза за полтора миллиона? Да это кот её кокнул, клянусь!», «Новенькую машину поцарапал не я! Она просто настолько дорогая, что в ней зародился искусственный интеллект, и она сама ускакала посреди ночи на свидание с чужим бампером»... Не пройди он эту суровую школу лжи, перед Янь Юйсюанем он бы точно прокололся.

Сейчас же на его лице отразилось лишь безупречно разыгранное замешательство:

— О чём ты, государь?

Янь Юйсюань пристально вглядывался в него, ловя малейшее движение ресниц, словно пытался вывести, не притворяется ли тот.

— Поместье князя Дуаня расположено не близко отсюда, — медленно заговорил император. — И всё же посреди ночи, едва проведав о пожаре во Дворце Вечного Веселья, он загнал коня, лишь бы поскорее оказаться здесь. Сдаётся мне, окажись в смертельной опасности его собственный старший брат, он не проявил бы и доли такого рвения. С чего бы ему так отчаянно за тебя переживать?

— Более того, пренебрегая собственной безопасностью и достоинством князя, он самолично ринулся в бушующее пламя, чтобы вынести тебя на руках. Благородный порыв, не спорю, но для стороннего наблюдателя его безрассудство выглядит крайне подозрительно.

— Ваше Величество... — Тан Цзю слегка нахмурился, искусно изобразив недоумение. — Позволю себе заметить, что вы изволите терзаться напрасными сомнениями. Князь Дуань искусен в боевых искусствах, и для него рискнуть жизнью там, где другие пасуют, — дело привычное.

— У командира Лю Пинлоу мастерство лёгких шагов ничуть не хуже, — парировал Янь Юйсюань. — Но он почему-то не бросился очертя голову в бушующее пламя.

Тан Цзю мысленно скрежетнул зубами. «Лю Пинлоу, чтоб тебя... С чего вдруг приплёл его? Прямо руки чешутся физиономию тебе начистить!»

— Цзиньчжи, мужчина всегда видит мотивы другого мужчины, — глухо обронил император. — Стоило мне заметить, какими глазами он смотрел на тебя, когда вынес на спине из огня и

бережно откинул мокрый плащ, проверяя, цел ли ты... Сомнений у меня не осталось.

Лицо Янь Юйсюаня стремительно темнело, наливаясь свинцовой злобой.

— Никогда бы не подумал, что мой любезный младший брат посмеет возыметь столь грязные, непозволительные виды на мою будущую императрицу.

Тан Цзю незаметно сжал кулаки, выдавив из себя подобающе упавший, надтреснутый голос:

— Ваше Величество, умоляю, выслушайте... Между мной и князем Дуанем никогда ничего не было. Моя совесть чиста...

— Ну что ты, я ни на миг в тебе не усомнился, — поспешил успокоить его Янь Юйсюань. Заметив, какими испуганными показались глаза юноши, он обнял его за плечи и нежно погладил. — Твоя преданность и любовь ко мне чисты как горный хрусталь, разве могу я этого не ценить? Не тревожься, твоей вины тут нет, и на тебя мой гнев не падёт.

И здесь император нисколько не лукавил. В его глазах предать мог кто угодно: родной брат, лукавые министры, верные слуги или дворцовая стража. Но только не Линь Цзиньчжи. Тот, кто раз за разом, не задумываясь, рисковал собственной головой, лишь бы защитить своего повелителя.

Янь Юйсюань мысленно возблагодарил небеса за то, что вовремя сорвал маску с Шэнь Кэ, иначе он рисковал упустить единственного человека, который действительно предначертан ему судьбой.

— И как же Ваше Величество намерены поступить с князем? — тихо спросил Тан Цзю.

Губы императора тронула улыбка, от которой по спине Тан Цзю пробежал могильный холод.

— Тот, кто замыслил измену против своего государя и посмел заглядываться на будущую императрицу, — не более чем презренный бунтовщик. И как, скажи на милость, поступают с изменниками?

Тан Цзю ещё не успел договориться с верным слугой Сяо Шуныцзы, чтобы тайно переслать весточку за стены дворца, как из северных рубежей пришла тревожная весть. Известия с границы были спешными и грозными.

Лицо Янь Юйсюаня потемнело от гнева:

— Северные племена Жун снова перешли границу?

— Так точно, государь! — взмолился запыхавшийся гонец, едва переводя дыхание. — С наступлением осени северные степи выгорели, и Северные племена Жун начали совершать опустошительные набеги, грабя приграничные поселения. Местный люд терпит невыносимые бедствия. Тридцатитысячное войско генерала Ли Фана держит оборону изо всех сил, но при таком натиске долго не продержится. Генерал умоляет Ваше Величество немедленно выслать подкрепление!

Северные племена Жун издревле кочевали по бескрайним северным просторам, кормясь лишь за счёт скота да редких источников воды. Привыкшие к суровой доле, они славились свирепым нравом и виртуозно владели конным боем. Их молниеносные набеги долгие годы оставались незаживающей язвой на теле государства Лян. Едва взойдя на престол, Янь Юйсюань лично возглавил карательный поход на север и собственноручно лишил головы их тогдашнего вождя, Цзяэрма. Лишь тогда кочевники присмирели, уразумев, насколько грозна мощь Срединной империи. Но дикая, воинственная кровь, текущая в их жилах из поколения в поколение, не знала покоя. Три года Жимай, младший брат казнённого вождя, наследовавший власть, копил силы в глухих степях, и теперь хищная орда вновь изготовилась к броску.

Наутро во дворце был созван срочный совет. Вести о вторжении уже успели разлететься среди сановников, однако паники не возникло. Государство Лян пребывало в самом расцвете своего могущества; армия давно превзошла былую слабость времён основания династии, так что усмирение степняков виделось делом вполне решённым.

Но последовавшие слова императора повергли собрание в глубокое недоумение.

— Северные племена Жун вконец обнаглели, раз за разом посягая на величие нашего государства. Терпеть подобное оскорбление более немыслимо. Посему волею Нашей князь Дуань нарекается генералом, Провозглашающим Величие. Под его начало переходит пятидесятитысячная отборная армия, дабы в кратчайшие сроки выдвинуться на рубежи, соединиться с пограничным войском и раздавить наглого врага!

Зал мгновенно зашумел, лица сановников вытянулись от изумления. Один из старейших советников тут же пал ниц, гулко ударив поклоном о каменные плиты:

— Ваше Величество, молим вас, одумайтесь!

Император прищурился, устремив на него холодный взор:

— У старейшины Кабинета Лю есть возражения против Нашей воли?

— Ваше Величество! — взмолился старейшина Лю. — Наша империя велика, а войско неодолимо. Степные разбойники пред нами — всё равно что чахлая трава перед вековым дубом или речной песок перед горной кручей. Исход этой войны предрешён, но поле брани не терпит

беспечности! Князь Дуань ещё слишком молод, он никогда не водил за собой полки и не ведает законов войны. Назначать его главнокомандующим — безрассудство!

По залу прокатился гул согласия, придворные поспешили поддержать его слова.

Однако Янь Юйсюань лишь снисходительно усмехнулся:

— Почтенный советник заблуждается. Разве в те годы, когда я самолично водил полки на север, я не был в тех же летах, что и князь ныне? Молод он или нет, но его воинское искусство превосходит любые похвалы, о чём каждый из вас прекрасно осведомлен. С его силой ему вполне по плечу эта ноша.

Старейшина Лю упрямо покачал головой, не оставляя попыток воззвать к благоразумию владыки:

— Личная удаля хороша в поединке, но ведение войны требует совсем иного дара! В столице немало закалённых в боях мужей, чьё присутствие на поле боя принесло бы куда больше...

— Довольтесь! Наше решение окончательно и обжалованию не подлежит, — резко оборвал его император. — Князь Дуань — Наш единокровный брат, и Мы свято верим, что он вернётся с триумфом. Юйчэнь, что скажешь?

Восседая на драконьем престоле, император с ледяным прищуром смотрел на безмолвную фигуру Янь Юйчэня, стоявшего у подножия золотых ступеней.

Янь Юйсюань прекрасно понимал, что этот поход — верное дело. На рубежах стоял опытный Ли Фан, и при достаточном количестве людей и провианта разгромить истощённую орду не составит труда. Вот только на войне стрелы летают тучами, а мечи не разбирают чинов. Вернуться из этой мясорубки целым и невредимым — задача не из лёгких.

К тому же старейшина Лю невольно озвучил главный замысел императора: личная сила не делает человека стратегом. И даже если Янь Юйчэню посчастливится выжить под вражескими клинками, любая его оплошность, будь то неверный маневр или задержка припасов, позволит без труда обвинить его в воинской бездарности или измене. А разделаться с опальным полководцем на законных основаниях — дело нескольких дней.

Князь Дуань медленно поднял голову, встретившись с тяжёлым, затаённым взглядом своего царственного брата. В тишине тронного зала их взоры скрестились, словно обнажённые клинки, сойдясь в безмолвном поединке, полном неприкрытой ненависти.

— Подданный повинуетя воле государя, — холодно произнёс Янь Юйчэнь, и голос его прозвучал твёрдо, как удары храмового колокола. — Я исполню свой долг перед империей.

Узнав о случившемся, Тан Цзю едва не лишился дара речи от ярости.

Он прекрасно знал, что за маской праздного гуляки Янь Юйчэнь скрывает недюжинный ум и смертоносное мастерство. Но ведь речь шла о настоящей войне! О месте, где проливаются реки крови и ломаются судьбы величайших воителей. Будь ты хоть трижды искусным мастером, кто даст поруку, что случайная стрела или вражеское копьё не оборвут твою жизнь посреди кровавого хаоса?

Подлец Янь Юйсюань даже не пытался скрыть своего намерения — он просто-напросто отправлял брата на верную смерть!

Наступление кочевников требовало немедленного ответа: армия должна была выступить из столицы на рассвете следующего дня. Тан Цзю метался по своим покоям как раненый зверь — мысль о том, что он даже не сможет проститься с любимым человеком, выжигала его изнутри.

В ту ночь Тан Цзю так и не сомкнул глаз. Он лежал во тьме, прислушиваясь к монотонному стуку водяных часов, и с замиранием сердца отсчитывал ускользающие мгновения.

Около третьего ночного стража тишину покоев нарушил едва уловимый шорох. Прежде чем Тан Цзю успел вскочить с постели, сильные руки рванули его на себя, заключая в крепкие, почти удушающие объятия.

Этот приют показался ему непривычно жёстким и холодным — под шёлковыми одеждами угадывались стальные пластины походного доспеха. Горячие слёзы брызнули из глаз Тан Цзю. Он изо всех сил вцепился в ремни на поясе мужчины, пряча лицо на его груди, и сдавленно, сквозь рыдания, прошептал:

— Обязательно идти?.. Неужели нельзя иначе?

— Я вернусь, — глухо выдохнул Янь Юйчэнь. Его широкая ладонь бережно коснулась мокрой от слёз щеки Тан Цзю, делясь своим жаром. — Слышишь? Ради тебя я выживу в любом аду. Береги себя... и жди меня.

Тан Цзю судорожно закивал, давясь слезами, и в то же мгновение его губы накрыл яростный, отчаянный поцелуй. Теряя дыхание от этой неистовой нежности, он закинул руки мужчине за шею, прижимаясь к нему всем телом и отвечая с той же безумной страстью, словно пытаясь запомнить это мгновение навсегда.

Их прерывистое дыхание слилось в единый стон. Напоследок мужчина с силой прижался к его искусанным губам, словно запечатлевая клеймо, и без единого слова бесшумно растаял во тьме покоев.

Коснувшись дрожащими пальцами пылающих губ, Тан Цзю впервые ощутил, как в его душе закипает глухая, леденящая ненависть к Янь Юйсюаню.

Прежде его отвращение к императору диктовалось лишь врождённым чувством справедливости обычного человека, не способного мириться с низостью и жестокостью венценосного подонка. Но теперь это чувство переросло в настоящую, осязаемую ненависть. Янь Юйсюань переступил черту. Он посмел занести меч над тем, кто стал для Тан Цзю дорожкой собственной жизни.

Тан Цзю медленно выпрямился. В полумраке его глаза, ещё влажные от слёз, лихорадочно блеснули хищным, волчьим блеском.

Во всей империи никто не мог взять в толк, почему государь доверил командование именно князю Дуаню. Ни единая душа не верила, что взбалмошный гуляка, прославившийся лишь петушиными боями да кутежами, способен привести армию к победе. Поговаривали, что в день выступления войска на улицы столицы высыпали толпы юных дев со слезами на глазах — прижимая к лицу шёлковые платки, они провожали взглядами красивейшего мужа столицы, искренне полагая, что видят его в последний раз.

Вопреки всеобщим мрачным ожиданиям, дальнейшие вести с рубежей заставили замолкнуть даже самых закоренелых скептиков. Известия, летевшие в столицу одно за другим, трубили об ошеломительных победах:

По пути к границе передовой отряд князя угодил в тщательно подготовленную засаду отборной конницы Северных племен Жун. Не растерявшись, новоявленный полководец проявил завидное хладнокровие: умело перестроив ряды, он наголову разбил нападавших и лично взял в плен Гээрту — свирепого исполина и первого сподвижника вражеского вождя Жимая.

Уже на следующий день князь Дуань соединился с силами генерала Ли Фана. Используя сведения, добытые на допросе пленного багатура, лянское войско под покровом ночи совершило дерзкую вылазку в тыл врага, предав огню последние продовольственные склады кочевников.

К исходу второй недели измученное голодом и лишённое припасов воинство Северных племен Жун решилось на отчаянный, обречённый бой. Вождь Жимай стянул оставшиеся силы к подножию горы Небесного Свода, но был наголову разгромлен армией Лян. Степное воинство обратилось в паническое бегство, бросая повозки и знамёна. Преследуя отступающего врага, князь Дуань точным выстрелом выбил Жимая из седла и одним ударом меча снёс ему голову.

На восемнадцатый день уцелевшие старейшины Северных племен Жун взмолились о пощаде. Прибывшие в лагерь послы поднесли победителям акт о капитуляции и принесли нерушимую клятву в течение следующих десяти лет не тревожить границы империи Лян.

Радостная весть всколыхнула столицу. Простой люд и сановники ликовали, превознося до небес мужество великого князя. И лишь один человек не разделял всеобщего торжества. Обезумев от ярости, он крушил всё на своём пути, швыряя на пол драгоценные свитки с донесениями.

— Победил... — хрипел император, тяжело дыша. — Негодяй всё это время притворялся дураком, усыпляя мою бдительность!

Если прежде Янь Юйсюань лишь смутно опасался младшего брата, то теперь он воочию узрел в нём смертельную угрозу своей власти. Оставить его в живых означало собственноручно подписать себе смертный приговор.

Измерив шагами усыпанный бумагами императорский кабинет, Янь Юйсюань резко остановился и сделал едва заметный взмах рукой.

В ту же секунду из колеблющихся теней соткались безмолвные фигуры тайных палачей. Склонив головы, они застыли в ожидании воли господина.

— Долго же я держал вас в ножнах, — процедил сквозь зубы император, и в глазах его вспыхнул безумный огонь. — Пора опробовать остроту ваших клинков. Ступайте. Князь Дуань уже на пути к столице. Сделайте так, чтобы он никогда больше не переступил порог этих врат.

— Будет исполнено! — отозвался безликий шёпот, и тени бесшумно растаяли в воздухе.

<http://bllate.org/book/20582/2145938>